

ФОНТЕНБЛО

ПАМЯТНИКИ
ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Екатерина Александровна Останина

Фонтенбло

Серия «Памятники
всемирного наследия»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167743
Е. А. Останина / Фонтенбло: Вече; Москва; 2006
ISBN 5-9533-1474-4

Аннотация

Один из самых роскошных королевских дворцов мира, Фонтенбло обладает удивительной, насыщенной событиями историей. Это настоящий «дом королей, дом веков». В нем все дышит событиями прошлого, заставляет вспоминать удивительные легенды. Лучшее всего сказал о Фонтенбло французский историк Жюль Мишле: «Спросите меня, где бы я стал искать утешения, если бы меня постигло несчастье, и я отвечу – пошел бы в Фонтенбло. Но и будучи счастливым, я тоже отправлюсь в Фонтенбло».

Содержание

Больше, чем просто замок	4
Лилии Фонтенбло – символ классической монархии	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Екатерина Останина

Фонтенбло

Больше, чем просто замок

*Когда я прахом стану, Франция останется. И,
когда по воле Бога взойду На небеса: «Это моя
Франция», Моя душа будет любить ее.*

Неизвестный автор, XV век

*Европа – но ведь это страшная и святая
вещь – Европа! О, знаете ли вы, господа,
как дорога нам, мечтателям-славянофилам, по-
вашему, ненавистникам Европы, – эта страна
святых чудес! Знаете ли вы, как дороги нам эти
чудеса и как чтим мы великие племена, населяющие
ее, и все великое и прекрасное, совершенное ими?
Знаете ли, до каких слез и сжатий сердца мучают
и волнуют нас судьбы этой дорогой и родной нам
страны?*

Ф. М. Достоевский

Очарование и почти мистическая загадка Франции и Фонтенбло и всегда были неразрешимы как для всего мира, так и для самих русских. Эта многовековая, непреходящая, пережившая много столетий любовь к Франции, нежная, трогательная, снисходительная к недостаткам, самая по-

стоянная, самая верная из всех возможных видов любви, любовь братская – старшего к младшему. Издалека подобная любовь кажется загадочной, необъяснимой, почти мистической, и только тот, кто побывал во Франции, кто видел и узнавал неведомым, древним чувством мелькающие мимо окна автомобиля пейзажи этой страны, ее поля, перелески, темные величественные кроны густых лесов, так похожие на российские, но неуловимо другие, кто встретился лицом к лицу с этой страной, начинает осознавать это непостижимое древнее единство. Непостижимое на первый взгляд. И лишь после того, как тебя в самое сердце поразил Париж – вечная, первая и последняя любовь, когда ослепил своим великолепием и блеском роскошный Версаль, в парке которого отчего-то особенно остро трогает изумительная статуя двух обнявшихся юношей, конечно, братьев, наступает прозрение в Фонтенбло. Неосознанно в сознании звучат своего рода рефреном стихи Николая Гумилёва, обращенные к Франции:

И если близок час войны
И ты осуждена паденью,
То вечно будут наши сны
С твоей блуждающею тенью.

И нет, не нам, твоим жрецам,
Разбить в куски скрижаль закона
И бросить пламя в Notre Dame,
Разрушить стены Пантеона.

Твоя война – для нас война.
Покинь же сумрачные станы —
Чтоб песней, звонкой как струна,
Целить запекшиеся раны.

Что значит в битве алость губ?
Ты – только сказка – отойди же,
Лишь через наш холодный труп
Пройдут войска, чтоб быть в Париже.

Аллегория Франции

В Фонтенбло – замке замков, «чудесном источнике», наступает момент истины, связывающий все необычайные впе-

чатления, ощущается трепет, родственный только любви или творческому вдохновению писателя. Прозрение, озарение, мистика сопровождают этот дворец на протяжении столетий. Фонтенбло – воплощенный в камне символ братства, сохранившийся в единственной уцелевшей во времена безжалостного крушения старого порядка галерее, посвященной братьям-близнецам.

Ни в одном другом месте русский человек не чувствует себя так естественно, спокойно, будто попав из далекого странствия в свой родной дом, как в Фонтенбло, и это чувство рождается постепенно. Сначала оно опускается осязаемой любовью, когда проходишь по благоухающим так остро и одновременно нежно тенистым аллеям, созданным высокими лимонными деревьями, между которыми переливаются, как изысканные драгоценные украшения, оперения неспешно прогуливающих по изумрудной зелени павлинов. Оно усиливается, в то время как ты стоишь в полутемной галерее Близнецов, слушая характерно-эмоциональную речь светловолосого и светлоглазого гида:

– Я не могу назвать вам свою фамилию: это запрещает контракт... Меня зовут Владимир, второе имя – Василий. Оно мне так нравится, и я не понимаю, почему вы, русские, так любите называть этим именем кошек.

Фонтенбло. Подковообразная лестница

– Вы русский?

– Нет, что вы! Я – француз! – и через несколько фраз: – Помню, когда в детстве мне мама читала Пушкина...

И это решительное заявление: «Я – француз!» – выслушивается русскими с известной долей снисходительности старшего брата, с улыбкой, следующей в ответ этому самоуверенному утверждению – заблуждению младшего. А в связи с этим и все дальнейшие слова очаровательного светловолового Владимира выслушиваются на этой же снисходительной ноте:

– Для нас, французов, Фонтенбло – это прежде всего Наполеон. Конечно, история этого замка теряется в глубине веков, но мы привыкли начинать рассказ об этом величественном замке с Наполеона.

Легендарный уроженец Корсики, несмотря на его невысокое происхождение, стал для нынешних французов символом государственности, царственного величия, воплощением сильной власти. Потому во Франции настолько силен в наши дни культ Наполеона, и рассказ современных гидов о Фонтенбло всегда начинается с истории отречения императора от власти.

До сих пор, подобно солдатам старой гвардии Наполеона, чудом уцелевшим в русском походе, ему сочувствуют, и, как и встарь, слезы наворачиваются на глаза, впрочем, совершенно непонятные нашим соотечественникам:

– Солдаты моей старой гвардии, сегодня я прощаюсь с вами...

Антуан Монфор. Прощание Наполеона со старой гвардией

Фраза прощания, ставшая хрестоматийной, весьма характерна для человека, всю жизнь тяготевшего к театральным эффектам. Наполеон, вероятно терзавшийся комплексом неполноценности, 4 апреля 1814 года велел собрать своих солдат в старинном дворе Белой Лошади, который впоследствии с его легкой руки стал именоваться двором Прощания, спустился вниз по Подковообразной лестнице, по которой имели право подниматься только самые знатные ари-

стократы верхом на лошадях, после чего поцеловал символ с орлом и отправился на остров Эльба в изгнание.

Говорят, его гвардейцы плакали, а зря – как их император, так и они не отдавали себе отчета в том, что на самом деле обстоятельства могут складываться гораздо хуже. По крайней мере, ссылка была всего лишь номинальной, почетной, и Наполеон был назначен губернатором острова. Конечно, современные французы возмущены: император, едва не завоевавший целый мир, ни в коей мере не может удовлетвориться долей простого смертного – Эльба слишком мала для его амбиций. Что же касается гвардейцев, собравшихся в достопамятный день во дворе Белой Лошади, то им предлагалось спокойно жить в стабильной стране. Но, как известно, все познается в сравнении.

Прошло чуть больше года, как бывший император сбежал с острова завоевывать Париж, но он, прежде чем попасть в столицу, не забыл побывать в Фонтенбло. Дворец всегда ему нравился, он называл его «домом королей и веков», и, пожалуй, только в этом он не ошибался. Это была единственная откровенная фраза великого соблазнителя, поскольку рассчитывать на театральные эффекты в момент ее произнесения не приходилось – экс-император находился в ссылке. А далее произошло сокрушительное поражение Наполеона и его старой гвардии под Ватерлоо. Наполеон снова оказался в Фонтенбло, где дважды пытался предпринять попытки отравиться, но неудачно.

Фонтенбло. Красный салон, или кабинет Отречения

Потому французские гиды в Фонтенбло и показывают прежде всего прихожую императора, кабинет Отречения от престола, комнату адъютантов императора... Русские не так однозначно подходили к истории Фонтенбло. Известно, что когда Б. Н. Лосского, многолетнего хранителя замка-музея, просили рассказать об истории «чудесного источника», он

терялся: «С чего же начать? С 1137 года? Или с 1259?... Или... лучше с Франциска I!».

Наконец, убеждение в этом заблуждении наивного младшего брата окончательно крепнет, когда стоишь на знаменитой витой лестнице Фонтенбло, задуманной в виде подковы. Нигде не чувствуешь себя так естественно, как здесь, на этом каменном воплощении королевского трона, трона длинноволосых королей, пришедших в эти прекрасные земли из своей гибнущей во льдах Арктогеи. Потому и историю знаменитого замка – символа государственной власти – следует начать именно с них, основателей Фонтенбло, первым из которых был Хлодвиг Меровинг. И первая, самая знаменитая легенда связана с ним и с удивительным лесом Фонтенбло.

Лес Фонтенбло и сейчас во всем мире справедливо считают чудом, ниспосланным самим небом. Пожалуй, ни одно место на земле не отмечено таким количеством преданий. Здесь история становится мифом, а легенда – историей, однако при изучении документов выясняется, что невероятные явления в лесу Фонтенбло – не исключение, а правило. Именно так и было со времен первого короля Хлодвига Меровинга (Меровея).

Дуб «Юпитер» в лесу Фонтенбло

Хлодвиг («холодный») – прекрасный и одновременно устрашающий, беспощадный, как зимний холод, рыцарь с длинными светлыми волосами и глазами, в которых навсегда застыл отблеск холодного солнца, стынущего в голубых, покрытых льдами озерах его далекой родины. В тот день он проезжал по чужому лесу, осеннему, густому, устланному ковром палой листвы – алой, золотой, коричневой. Он не видел, что под ветвями старого корявого дуба стоял и внимательно смотрел на всадника в охотничьем костюме и с соколом на руке золотоволосый Белен, плечи которого укутывала белоснежная пушистая волчья шкура. Отблески от золотых волос древнего кельтского бога скользили по листве, рассыпались искрами в воздухе, и всадник, замороженный этим неведомым зрелищем, протянул руку к солнечному лучу.

Аполлон Бельведерский. Музей Фонтенбло.

Бронзовая копия с античного оригинала IV века до н. э.

Внезапно сокол, до того времени спокойно сидевший на руке и только бросавший кругом настороженный хищный взгляд, неожиданно изо всей силы вцепился клювом в запястье хозяина, а потом резко взмыл вверх. Он описывал круг за кругом в синем бездонном осеннем небе, и его крики звучали пронзительно и угрожающе. Казалось, сейчас он спикирует с высоты на охотника, как на добычу. Но тот, глубоко погруженный в свои никому не ведомые мысли, ничего не замечал. Он с удивлением посмотрел на кровь, выступившую на руке, и приложил кружевной батистовый платок к ране, а потом пришпорил коня, направив его к видневшемуся среди роскошных древесных крон старинному замку Куранс, настолько прекрасному, что о нем уже начали складывать простенькие стихи:

Все травы Сёли,
Все розы Флёри,
Все воды Куранса —
Три чуда Франции.

Окровавленный платок упал на ковер кленовых листьев, а через минуту на его месте неведомо откуда из-под земли забил прозрачный чистый источник посреди серебряных лилий, щедро расточавших свой аромат в осеннем, золотом и багряном лесу. Всадник, как будто очнувшись от странного сна, с недоумением остановил коня, обернулся, посмотрел на цветы и источник, и в его прозрачных, как северные озера, глазах отразилось искреннее недоумение.

– Рад приветствовать вас, молодой король Хлодвиг.

Только тут Хлодвиг заметил золотоволосого юношу, у ног которого сидел белоснежный волк. Осеннее солнце озаряло его, и золотой нимб играл искрами на его волосах, рассыпался брызгами среди вековых деревьев, озаряя серебряные лилии.

– Белен... – выговорил рыцарь, но с таким удивлением, как будто сам себе не верил. – Почему ты удостоил меня...

Юноша улыбнулся так, как будто солнце заиграло в ледяной воде, – несравненный, ослепительный небожитель.

– Потому что до этого дня ты верно служил мне, потому что на этой земле возникнет новая раса и ты станешь ее родоначальником. А здесь, на этом месте, где ты видишь эти удивительные лилии, пробудившиеся к жизни после того, как были отмечены кровью короля этого народа, этой пока еще не рожденной страны, ты назовешь замок, возведенный тобой, в мою честь – источник Белена. Чистый источник.

– Фонтенбло, – пораженно вымолвил Хлодвиг и склонил голову в знак своего повиновения.

Фонтенбло. Источник

– Только одно запомни, – проговорил Белен, и его взгляд потемнел, – солнце не может исчезнуть навсегда; его только на краткое время скрывают тучи, и ты только тогда будешь жив, пока верно служишь мне. Если же решишь перейти на сторону других богов или бога, то уже не сможешь доверять даже самым близким тебе людям. Берегись, как бы твой слуга не оказался предателем и узурпатором, а твои дети не стали зваться отвратительным словом – *batard*. Но королевская кровь в любом случае, всегда останется таковой, пусть даже весь мир начнет кричать хором о безумии и швырять грязью в тех, кто отмечен моим покровительством... Запомни: правосудие не умирает никогда.

– Как ты мог усомниться во мне, Белен? – воскликнул Хлодвиг почти гневно, и его рука невольно легла на рукоять меча. – Я всегда чтил только тебя, и разве не мало чужих богов я повидал? Разве я дал тебе повод для таких оскорбительных для меня обвинений?

– Я и сам больше всего хотел бы ошибиться, – спокойно и печально произнес золотоволосый юноша. – Но люди на удивление непредсказуемы... И вот тебе знак моего расположения. С этими словами он протянул всаднику три серебряные лилии – Пусть они украсят твой герб и герб замка, предназначенного для королей, что будет возведен на этом

месте. Ты сделаешь это.

С того дня Хлодвиг Меровинг оставался божеством для французов вплоть до революции 1789–1794 годов. Ему подражали, его считали своим предшественником все французские короли. Он был незаслуженно забыт тогда, когда было решено начать новый отсчет истории страны. Новый порядок, новый календарь, но все то же мистическое число «три» – «свобода, равенство, братство», мистический триколор (синий, белый, красный), пришедший, несмотря на ветер перемен, из Фонтенбло... И вдруг оказалось, что эти две точки – эпоха рождения Франции и Хлодвиг, революция и пришедшее вместе с ней стремление объяснить галльское и римское происхождение страны – связаны теснее, чем мы могли до этого предположить. Это почти мистика, но мистикой была вся история Фонтенбло с момента его возникновения до настоящего времени.

Волшебство этого места было удивительно точно определено в словах французского историка Жюль Мишле: «Красота возраста созвучна временам года. Фонтенбло – это прежде всего осенний пейзаж, самый необычный, самый дикий, самый умиротворенный и самый изысканный. Его нагретые солнцем скалы, дающие приют больному, его фантастические тенистые аллеи, расцвеченные красками октября, заставляют предаваться мечтам перед наступлением зимы. Это восхитительное последнее убежище, где можно отдохнуть и насладиться тем, что еще осталось от жизни... Спро-

сите меня, где бы я стал искать утешения, если бы меня постигло несчастье, и я отвечу – пошел бы в Фонтенбло. Но и будучи счастливым, я тоже отправлюсь в Фонтенбло».

Лилии Фонтенбло – символ классической монархии

Становление Фонтенбло происходило в течение долгого периода, в точности совпадающего с «удлиненным во времени» становлением классической монархии во Франции, определяемым некоторыми тенденциозными французскими историками с 1459 по 1780 год. Но нам близка иная точка зрения, более независимая и объективная, наиболее ярко выраженная Франсуа Фюре: во Франции не бывает невинных исторических теорий, и тот, кто оценивает исторический процесс, немедленно обязан оценить его с политической точки зрения, будь то Меровинги или Революция 1789–1794 годов. «Как только она (точка зрения автора) выражена, этим уже все сказано – автор роялист, либерал или якобинец. Только при наличии такого пароля его история получает свидетельство о законнорожденности... Если всякая история предполагает некий выбор, некое заведомое предпочтение, из этого отнюдь не следует необходимость вынесения какого-то определенного мнения о предмете исследования. Подобное положение возникает лишь в том случае, когда затронута конкретная политическая или религиозная самоидентификация читателя или критика, начавшая оформляться в далеком прошлом.

Прошлое может или изменить эту самоидентификацию, или, наоборот, сохранить или даже усилить ее в зависимости от актуальности самого предмета исследования. Хлодвиг и нашествия франков были животрепещущей темой в XVII веке, потому что история искала тогда в этих событиях ключ к структуре общества своего времени... Начиная с 1789 года навязчивая идея собственного происхождения, на основе которой буквально соткана вся наша национальная история, переместилась в революционный разлом. Та к же, как великие нашествия стали... версией происхождения Франции, так и 1789 год явился новой датой рождения, нулевым годом мира, основанного на равенстве». В результате произошла «замена одной даты рождения на другую, то есть введение новой точки отсчета для самоидентификации нации». И мнение этого замечательного историка имеет непосредственное отношение к Фонтенбло, поскольку он связан именно с этой нулевой точкой отсчета, со всеми самыми важными точками истории страны, он – символ незыблемости миропорядка, символ государственного устройства Франции. Таким образом, представляется неудивительным, что резиденция французских королей стала для всей Европы символом государства. Когда говорили о Франции и ее политике, обычно употребляли слово «Фонтенбло», подобно российскому «кремль».

Ансамбль Фонтенбло

Итак, монархия проходила свой путь развития, а вместе с ней менялся и облик замка, воспринимавшего новые веяния эпох – от Валуа до Бурбонов. Прежде всего, как и сам Фонтенбло, институт французской монархии носил характер чисто сакральный. Чудесные явления, которые большинству наших современников, возможно, покажутся легендами, происходили на самом деле: мистической являлась и сама церемония коронации, и то обстоятельство, что после нее короли обретали способность исцелять своих подданных от любых болезней одним только прикосновением или же после окропления их водой.

При этом подобное врачевание было тесно связано с рели-

гиозными обрядами, предварительным ритуалом причащения в часовне замка, и большинство исследователей склонны оценивать это явление как аналогичное евхаристии и причащению вином и хлебом. То, что нам кажется невероятным, для средневекового сознания было явлением обычным, и это всегда следует помнить, особенно когда разговор заходит о Фонтенбло.

Король как покровитель народа. Французская гравюра 1759 года

Все ритуальные действия монарха проходили при непосредственном участии представителей аристократии, сотоварищей, занимающих самые высокие ранги. Именно в Фонтенбло родился незыблемый постулат классической монархии, составленный из трех компонентов (число «три» всегда было для Франции сакральным): «Единый закон, единая вера, единый король». И облик королевского замка в полной мере отражал все эти понятия. Мистическая сущность монархии органично вписывается в общую систему прочих французских символов, и Возрождение, с которым совпало время правления Франциска I, объясняет их лучше, чем в какую-либо другую эпоху. В очередной раз подтвердились такие основополагающие для Франции высказывания, которые последующие исторические события подтвердили лишь раз: «Король, корона и справедливость не умирают никогда» и «Правосудие не прерывается». У короля существовало две сущности, из которых одна – земная, человеческая, смертная, а вторая – духовная, воплощающая в себе идеал монархического института. Вместе с тем и для всей страны сделались естественными понятия, подразумеваемые в данных высказываниях: «справедливость», «сакральность» и «суверенное верховенство». Когда в Фонтенбло скончался

Франциск I, его бессмертная духовная сущность была символически изображена в виде манекена, созданного Франсуа Клуэ, – облаченной в красные одеяния куклы в полный человеческий рост. Эта кукла, в точности похожая на усопшего монарха, находилась во главе траурного кортежа, на самом почетном месте. Сопровождающие процессию придворные были одеты также в красные облачения (черный цвет, традиционный для современных шествий подобного рода, отсутствовал совершенно), что подчеркивало неуместность и отсутствие скорби. Одновременно красные одежды являлись символом неумирающего правосудия и вечности королевского духовного тела в отличие от физического. Что же касается биологического родства, преемственности, передающейся от отца к сыну, то сан короля никогда не был теоретическим, обезличенным; абсолютно утверждалась мистика крови.

В понятия триединства и мистики крови включалась и преемственность трех основных династических линий французских королей – Меровингов, Каролингов и Капетингов. Этот монархический идеал в полной мере обосновывался и был связан с существованием королевского двора в Фонтенбло. Последний мыслился как единая семья, огромная «фамилия», правда, немного расширенная, что естественно, когда речь заходит о дворе в Фонтенбло, однако в нем соблюдалась семейная структура, во главе которой стоял патриарх – король. В эту же структуру входили люди, занимающие верх-

ние этажи власти, — «дворянство шпаги», придворные, писатели, прелаты.

Единый закон, единая вера, единый король. Французская гравюра XVIII столетия

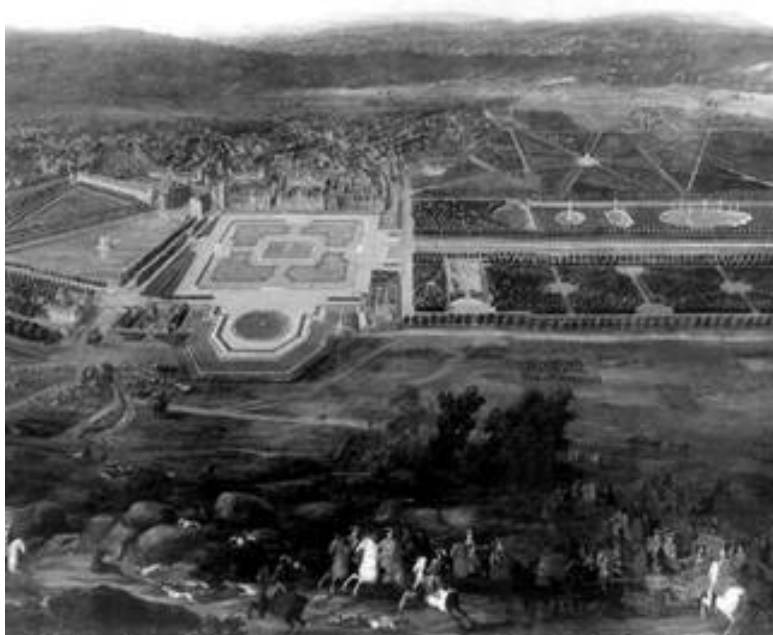
Передача власти также была впервые узаконена и осуществлялась в королевской резиденции Фонтенбло в момент смерти государя. Междуцарствие во Франции с тех пор всегда являлось временным и сводилось, как минимум, к нескольким неделям с момента кончины очередного правителя. И это тоже было символично, поскольку новый государь возрождался как феникс из пепла или как солнце, которое никогда не может перестать светить и которое если облака и заслоняют, то на очень короткое время, погасить же его никто и никогда не в силах. Сакральность во Франции, таким образом, была явлением очень органичным или, как часто принято говорить, народным, и король воспринимался как посланник Всевышнего.

Фонтенбло, воплощенный в камне символ королевской власти, строился в течение многих веков начиная со времен Средневековья. Каждый король Франции считал своим долгом внести вклад в обустройство замка, а потому Фонтенбло неоднократно обогащался корпусами и пристройками, которые, впрочем, безо всякого определенного плана пристраивались ко дворцу, и облик резиденции королевского двора постоянно изменялся. В результате возник ни с чем не сравнимый, непрерывно изменяющийся во времени шедевр

архитектуры, соответствующий тому, как изменялся сам характер монархического строя страны, и можно сказать, что в этом смысле Фонтенбло в высшей степени оправдал себя как эталон незыблемой власти.

Итак, художественные стили сменяли друг друга, взаимообогащались, однако наиболее весомый вклад в создание неповторимого облика замка внесла эпоха французского Ренессанса. Во Франции принято считать, что наиболее ярким представителем Возрождения в это время стал король Франциск I.

Этот правитель относился к младшей ветви Валуа, и никогда бы ему не занять трон законно, если бы короли Людовик XII и Карл VIII имели наследников по мужской линии. Он воспитывался в семье, высоко ценившей образованность, культуру и, конечно, увлечение спортом. Допускались и шалости разного рода, и Франциск проявил себя во всех этих ипостасях в полной мере. Он никогда не мечтал о троне, являясь только возможным претендентом: его мать Луиза Савойская принадлежала к ветви, только примыкавшей к родословному древу Людовика XI, сын которого, Людовик XII, к тому же недолюбливал своего племянника Франциска. И все же история распорядилась по-другому, и «отцом народа» стал именно он.

Пьер Дени Мартен Младший. Вид замка Фонтенбло

Современники описывали Франциска как не слишком привлекательного на первый взгляд мужчину ростом в шесть футов, длинноносого, с худыми длинными ногами, однако все эти недостатки полностью искупались благодаря его по-

движности, живому любознательному уму, природной щедрости и открытости. Он был одновременно и наивным, и способным на обман, предпочитал сначала говорить, а потом уже задумываться о смысле сказанного. Его интерес буквально ко всему неизведанному и новому был неисчерпаем. По натуре поэт, он изучал все новинки, отдавая предпочтение авторам прошлого. Книги читали ему постоянно, и прежде всего во время еды. Утром он разбирал дела, а оставшуюся часть дня предпочитал проводить на свежем воздухе, в основном наслаждаясь охотой в лесах Фонтенбло, возвращаясь в замок вечером, чтобы отдать должное танцам и развлечениям. Король был отличным наездником, посредственным главнокомандующим и замечательным воином, при этом совершенно чуждым жестокости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.